

НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: РОССИЯ

Е.А. Мельникова

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ «ИСХОДЕ» И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ ФИННОВ-ИНГЕРМАНЛАНДЦЕВ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ КАРЕЛИИ¹

Широкомасштабные миграционные процессы XX в., обусловленные депортацией отдельных народов в 1930-е годы, Второй мировой войной и связанными с ней эвакуацией и реэвакуацией населения, урбанизацией и повышением уровня мобильности в конце XX — начале XXI в. — все это явления, которые обычно рассматриваются как непосредственные причины размывания этнической культуры (стирания этнических признаков в одежде, языке, поведении, обычаях и т.д.). Но, как ни парадоксально, эти же процессы зачастую оказываются факторами укрепления этнической идентичности. В тех случаях, когда «исход» (переселение) был непосредственно связан с национальной принадлежностью переселенцев, именно он становится главным якорем, удерживающим этническую идентификацию людей, несмотря на утрату языка и даже связей с представителями той же этнической общности. История «исхода» становится «обосновывающим воспоминанием» — единственным, но достаточным для самоидентификации этническим маркером.

Понятие «модус обосновывающего воспоминания» было предложено Яном Ассманом, который наряду с «модусом биографических воспоминаний»

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ в рамках индивидуального проекта научных исследований № 13-01-00038 («“Быть местным”: символы локальности в эпоху позднего социализма и постсоциализма (случай бывшей финской Карелии)»).

рассматривал его как один из способов функционирования коллективной памяти. Оба модуса воспоминаний, согласно концепции Ассмана, располагаются по двум сторонам от так называемой дрейфующей лакуны — подвижного отрезка времени, о котором люди обычно не могут ничего вспомнить. В отличие от этого «темного» прошлого, самое недавнее и самое далекое прошлое оставляют заметные следы в коллективной памяти. Обосновывающее воспоминание всегда связано с истоком и происхождением, в то время как модус биографического воспоминания — с непосредственным опытом и его контекстом — «recent past» [Ассман 1992: 54]. Обращаясь к истории древних цивилизаций, Ассман пришел к выводу о том, что «обосновывающее воспоминание всегда скорее учреждается, чем возникает само собой (а также искусственно дополняется, поскольку закреплено в устойчивых формах), а с биографическим воспоминанием дело обстоит наоборот» [Там же].

В идеальной картине, предложенной Ассманом, обосновывающее воспоминание — это то прошлое, которое описано в учебниках и литературе, запечатлено в памятниках и ритуалах. Оно *обосновывает* происхождение общности — национальной, этнической или какой-то другой, о котором сами представители этой общности не могут помнить. Однако в далекой от идеала картине реального мира биографическое воспоминание может становиться обосновывающим, а «происхождение» может быть помещено не в далекое, недоступное живому воспоминанию прошлое, а в обозримое, недавнее время.

Воспоминания такого рода нередко оказываются единственными *обоснованиями* этничности человека, позволяя ему идентифицировать себя в этнических терминах, опираясь на историю этнической общности. Именно такую роль выполняют воспоминания об «исходе» для представителей тех народов, чье переселение было обусловлено национальной политикой.

В силу политических процессов середины XX в. многие представители коренных народов оказались за пределами компактного проживания собственной этнической группы, став частью переселенческих сообществ, состоящих из выходцев из разных регионов СССР. Этнические различия в переселенческой среде размывались, языком общения становился русский, а общая политика советизации второй половины XX в. делала этническую идентичность символическим маркером, не имеющим никаких зримых выражений. Следствием этих явлений стал тот факт, что большинство людей, проживающих в переселенческих районах, не может определить себя в этнических терминах, не зная ответа на вопрос о том, кто они.

Несмотря на это, мы сталкиваемся с ситуацией, когда в ряде случаев этническая идентичность оказывается для переселенцев устойчивой и определенной категорией. Именно об этой ситуации и пойдет речь.

Последние несколько лет я работаю на территории бывшей финской Карелии — приграничного региона, многократно переходившего за последние

пять веков от одного государства к другому. В результате войн 1939–1940 и 1941–1944 гг. эта территория отошла от Финляндии к Советскому Союзу, вследствие чего все население Приладожья было эвакуировано в Финляндию, а в так называемые «новые районы» переехали тысячи семей, завербованных в различных областях РСФСР, Украинской, Белорусской, Карело-Финской ССР, а также Мордовской, Чувашской АССР. Карельское Приладожье стало типичным, хотя далеко не единственным примером переселенческого сообщества, где на протяжении последних 60 лет сосуществуют люди, связанные в прошлом с совершенно различными традициями и культурами. Согласно данным Е.П. Смирновой, в межвоенный период в Северное Приладожье были перевезены 5322 хозяйств из Белорусской ССР, 1075 — из Чувашской АССР, 1960 — из Татарской АССР, 5690 — из Калининской, Смоленской, Кировской, Орловской, Горьковской, Вологодской, Тульской областей РСФСР [Смирнова 2006: 255]. Глобальные переселения коснулись не только Приладожья, но и всей Карелии: к 1959 г. белорусы составляли 11 % населения республики, украинцы — около 3 % [Бирин 2000: 109]².

Среди послевоенных переселенцев в приграничные районы был и небольшой процент финнов. Примерно 2,6 % населения Северного Приладожья в 1940–1950-х годах составляли финны [Изотов 2005: 204].

Переселение финнов в Карелию было в значительной степени обусловлено политическими соображениями. Советско-финская военная кампания 1939–1940 гг. была представлена в официальной печати как борьба за национальное воссоединение братских народов, видимым результатом которой должно было стать преобразование в 1940 г. Карельской АССР в Карело-Финскую ССР [Веригин 2005: 179]. При этом в 1939 г. в Карелии проживало 296 529 (63 %) русских, 21 112 (4,5 %) украинцев и лишь 8 322 финна (1,77 %) и 108 571 карел (23,1 %) [Там же: 180]. Привлечение в Карелию финнов обосновывалось необходимостью увеличения доли финского населения в республике, где они теперь были одной из титульных наций.

Первый секретарь ЦК КП(б) КФССР Геннадий Куприянов, добившийся разрешения переселять в Карелию ингерманландских финнов, депортированных из Ленинградской области, был в 1950 г. снят со своей должности и арестован по обвинению в причастности к «Ленинградскому делу». Поскольку МВД КФССР отрицательно относилось к «засорению пограничной республики неблагонадежным населением», в конце 1940-х — начале 1950-х годов большинство ингерманландцев были выселены из приграничных территорий [Изотов 2005: 204; Суни 1998: 80–81].

² В последующие годы размах миграции не уменьшился. В период с 1959 по 1989 г. доля русских, белорусов и украинцев в Карелии увеличилась с 78 до 85 % [Бирин 2000: 109].

Финны, приехавшее и оставшиеся в Приладожье в 1940-х годах, как правило, не были знакомы друг с другом до переезда. Среди них были ингерманландские финны, а также финны-эмигранты из Финляндии и Северной Америки, приехавшие в Карелию по политическим и экономическим причинам [Суни 1998; Изотов 2005]. Естественно, что никаких мер по поддержанию финской идентичности во второй половине XX в. не предпринималось, и только в конце 1990-х годов «финскость» оказалась снова востребована. После «открытия границ» в 1993 г., когда был принят Федеральный закон № 4730-І, сокращавший ширину приграничной полосы до 5 км, Приладожская Карелия стала местом многочисленных паломничеств бывших жителей этих мест. Так называемые «местные финны», еще помнившие язык, нередко становились переводчиками и экскурсоводами для туристов из Финляндии.

В конце 1980-х годов в Приладожье были предприняты попытки организовать финские землячества. Однако на территории четырех переселенческих районов — Сортавальского, Питкярантского, Лахденпохского и Суоярвского — такое землячество существовало только в Сортавале, но и оно прекратило существование после смерти в 1983 г. его лидера Тойво Хаккарайнена. Роль финского землячества отчасти выполняет сегодня финская лютеранская церковь в Сортавале, объединившая людей, отождествляющих себя с финнами. Тем не менее церковная община не позиционирует себя в качестве финского землячества. Ее деятельность ограничивается проведением религиозных служб, лишь небольшая часть которых проходит на финском языке. Службы посещают не только финны. Кроме того, финны, не посещающие церковь, никак не поддерживают связи с общиной.

Говорить о существовании финской этнической группы в Приладожье невозможно. Мы не наблюдаем здесь ни групповых связей, ни групповых стереотипов, ни коллективной идентичности. Ситуация, описанная Роджером Брубейкером как «этничность без групп» [Брубейкер 2012], в полной мере характеризует ту картину, которая обнаруживается сегодня в переселенческих районах. Но отсутствие группы — и это тоже вполне соответствует выводам Брубейкера — не означает того, что этничность не актуальна. В отличие от многих других переселенцев Приладожской Карелии, не готовых обозначить себя в этнических категориях³, финны — причем финны разного происхождения — всегда указывают на свою этническую принадлежность.

³ Характерный пример — жаркий спор, разгоревшийся во время одного из интервью между жителями д. Туокслахти. Хотя я не задавала вопроса ни о национальности, ни об этничности, эта тема возникла сама собой в разговоре между соседями и вызвала бурное обсуждение. «Я — русская, русская!» — восклицала Татьяна. «Какие мы русские. Здесь все перемешаны и не знают корней», — отвечал ее сосед [АМАЭ. Мельникова 2012: л. 23].

Специфика функционирования финской идентичности особенно заметна в сравнении с карельской идентичностью. Сейчас в Приладожье проживает небольшой процент карелов, переехавших сюда, так же как и другие мигранты, в послевоенные годы. Так же как у финнов, их карельское происхождение, как правило, обозначено в фамилии. Так же как у финнов, у карелов нет землячества. В то же время карельская идентичность имела некоторую поддержку со стороны государства в 1960–1980-е годы, когда появились учебники по истории Карелии. В 1990-е годы региональный компонент становится обязательным в местных школах, поэтому все дети читали на уроках литературы «Калевалу» и рисовали на художественных занятиях героев карельского эпоса. Все это, казалось, должно было сделать карельскую идентичность более устойчивой. Однако на практике даже те, кто отождествляет себя с карелами, делает это крайне неохотно⁴. Дети переселенцев, родившиеся уже в Приладожье, как правило, не считают себя карелами. Тем более удивительным выглядит тот факт, что финское происхождение остается устойчивым элементом самоидентификации финнов-переселенцев.

Во время экспедиций 2012–2013 гг. мне удалось записать несколько интервью с финнами разного происхождения, проживающими сегодня в Приладожской Карелии. Характерной чертой всех воспоминаний стал рассказ о длительном пути, в результате которого сам рассказчик или его родители оказались в Карелии. Но в отличие от других переселенцев, в воспоминаниях которых переселение также занимает одно из центральных мест, в рассказах финнов «исход» оказывается частью не только личной или семейной, но и в значительной степени этнической истории. Длительный, тяжелый и вынужденный путь описывается ими не только как путь семьи, но и как путь «народа». Воспоминания такого типа я называю обосновывающими. В отсутствие каких-либо этнических маркеров эти воспоминания служат для рассказчиков главными обоснованиями собственной финскости, позволяя реконструировать этническую общность если не в настоящем, то в прошедшем времени.

Ниже приведен фрагмент интервью, записанного в 2013 г. в г. Сортавале (интервью 1). Рассказчица — женщина 1926 г.р., уроженка Гатчинского района

⁴ Ср.: «Я вот себя не считаю карелом, хотя у меня бабушка — чистокровная карелка, ливвик из Ленинградской области, практически на границе... ну, это Карелия, но... Лодейное Поле, там вот, в этом районе, Михайловское село. Их осталось очень мало. Они вымирают. Пять тысяч всего осталось. Где-то еще, может быть, в мире они и существуют, там, в Тверской губернии, которые перебежали в XVII в. туда от шведов, туда. Не знаю. Но их очень мало осталось вот этих карелов. А... карелом себя могут называть только те, кто знает карельский язык и культуру карельскую и старается как-то... поддерживать вот эту культуру и жить по этим принципам» [АМАЭ. Мельникова 2012: л. 18].

Ленинградской области — одного из традиционных районов проживания финнов-ингерманландцев. Она описывает долгий путь своей семьи, оказавшейся в конце концов в Карелии. Родившись в д. Куйдузи, она вместе с семьей была увезена во время войны через Эстонию в Финляндию, затем оказалась в Ярославской области, потом — в одном из карельских леспромхозов, еще позже — в Сегеже и Сортавале. Последние несколько лет она живет в Финляндии, приезжая в Сортавалу только летом, когда и было записано интервью. В ее воспоминаниях места жизни нередко путаются. Рассказ о своей жизни, который, как и многие люди старшего поколения, она начинает с войны, прерывается воспоминаниями о жизни в родной деревне и рассказами о прошлом ее родителей.

Но лейтмотивом этого рассказа становится путь, проделанный ее «народом». Слово «народ» несколько раз повторяется в интервью, а закономерным финалом рассказа оказывается возвращение «народа» на «родину». Возвращение, когда «разрешоно стало», потому что были все-таки «справедливые люди», состоялось в рассказе, но не в жизни. Сама рассказчица уже не вернулась на родину, оставшись жить в Карелии, а совсем недавно переселившись в Финляндию.

В заключение я привожу небольшой фрагмент интервью (интервью 2) с женщиной, родившейся уже после войны в одном из поселков Суоярвского района. Ее родители — тоже ингерманландские финны из Ленинградской области. Сама рассказчица сейчас живет и работает в Сортавале. Ее рассказ — уже не воспоминание, а повествование о судьбе ее семьи, которая описывается как судьба народа. Несмотря на то что рассказчица, по ее собственным словам, плохо знает финский язык, а ее дети не знают его вовсе, дочь рассказчицы, то есть внучка тех финнов, которые переселились в Карелию в послевоенные годы, назвала себя во время переписи 2012 г. финкой.

Интервью 1

Исследователь: А скажите еще, откуда Вы родом сами?

Информант: Ленинградская область, Гатчинский район, Скворецкий сельсовет, как раньше было, и деревня Куйдузи — вот я там родилась. Куйдузи — это не так далеко там от станции Пудость, потом... Куйдузи деревня, там, Вы, может, не знаете эту деревню. Деревня Куйдузи. От Скворец недалеко. Километров пять. Ну вот. Там я родилась.

Исс.: А сюда как попали?

Инф.: Ой. Как я сюда попала. Эта история с войной... Я же всю войну видела! Под немцами были... больше двух лет были! Прямо армия вот тут. Приезжают на фронт, раненых везут, уезжают, других перевозят, а мы... нас дома... из домов-то выгнали — мы жили в хлевé!

Исс.: Это там, в Куйдузи?

Инф.: Да. В хлевé. Где раньше овцы были... а потом был еще другой хлев, где поросенок был, а в третьем хлевé — корова. И вот партизаны у нас отобрали... по всей деревне отобрали коровы и всю скотину: и телята, и овцы, и все-все-все погнажи. И нас оставили немцам, вот таких голод... голодовать. Ничего они нам не оставили. И мне пришлось... И через месяц появились вот эти... бомбежка — немцы уже к нам. Ну, вот оне... тут вот воевали... боролись все за этот... за Питер да за Москву, дак, воевали, а тут все у них как бы пере... пере... как... переездной пункт был — подальше от города. Вот они сюда только и... подставляли это вот... технику военную и... бомбили. Ну, наша деревня осталась цела. Там только немцы сожгли один дом — это моей тети дом. А потом... Да, бомбили там.... Вот ближние деревни, и сколько деревень — там не стало. Там было Ноузияйзи деревня, Ноузияйзи⁵, потом... как же это... [Волдилола]⁶ деревня, Ивайзи⁷ деревня⁸. Когда вот мы после войны туда приехали посмотреть... этих трех деревень не было. А как-то наша деревня осталась [нрзб.]. Ну были тоже... такие тоже порчины у нас, тоже пришлось эти верхние слои... бревна менять. Там, видимо, снаряд попал прямо поверху. Так вот отремонтировали там по-первости. А потом пере... решили переехать в деревню Пётрово — это уже ближе к городу, на центральную дорогу. Переехали туда, потому что... там (в Куйдузи. — *Е.М.*) ни дороги, ничего. Далекая деревня такая, что там дороги плохие, и никак пешком — куда пойдешь, когда в Пудости электричка только. Вот в город надо — продукты покупать... А в деревнях ничего не продавали так. Это уже после войны я рассказываю. Ну вот, дак. Поехали они в Пётрово... жить... наши. А я уже замужем была. Я пятьдесят лет прожила в Сегеже, в Карелии, в Российской Карелии. От Петрозаводска еще километров четыреста дальше. И я уже... мы как вот попали туда... Как мы попали... Нас не пустили н... на родину. Нас, когда вот... в войну... мы были увезёны немцами в Финляндию. Отправили нас, собрали всю деревню, весь народ, и грузовыми машинами — пятьдесят килограмм на человека там брать можно было с собой... И немцы нас погрузили на эти грузовые машины, увезли в Красно Село, там нас перегрузили на эти... товарные вагоны, все... А знаете, какое это было, что не знали куда нас везут и отправляют немцы! А к кому мы приедем и куда по... попадем. Нам же не объясняют. Вот. Дали нам, вот, ночное время: вечером объявили, чтобы в семь утра быть готовы. Вот. И так нас увезли в... в телячьих этих вагонах, как называется... и увезли нас в Финляндию. По морю, там... это, как называется... Финский залив или как там? Рядом-то с Ленинградом начинается?!

⁵ Nousiaisi (*фин.*).

⁶ Вероятно, имеется в виду дер. Воудила/Воудылово (*фин.* Voutila).

⁷ Juvaisi (*фин.*).

⁸ Перечисленные деревни входили в Скворицкую волость, а затем Скворицкий сельсовет Гатчинского района Ленинградской области.

Исс.: Финский залив.

Инф.: Вот. И нас военным пароходом всех отправили в Финляндию. Там тоже: куда мы приедем? Мы же не понимаем, что за Финляндия. Пока я жила, вот, в детстве... Мне было четырнадцать лет уже, когда вот нас увозили из дома. Так что я там! В деревне, далекой деревне жила, дак ничего... четыре класса кончила только там, больше ж ничего не успела там. Ну вот потом приехали мы вот этот в лагерь. В один лагерь — это Клога⁹ была, такой лагерь, который уже считается... ой, как же его называли-то... ну эти самые-то вредные, которые людей держали... Вот у меня память плохая. Я другое помню хорошо, а другое забываю. Вот, Клога такой. Мы документы получали когда, вот, с Финляндии... Нам же надо было здесь оформить пенсию, когда уже отработали. И надо требовать было за то время в Финляндии документы — у нас все отобрали там. В лагерь отправили и документы забрали. И в архиве они, видимо, лежали, а нам ничего. Когда приехали за нами, потребовали, что нас нужно забрать к себе. Это же народ! <...> Ага. Потом вот оттуда, так вот мы жили в глубокой деревне, а что... языка, у нас... Вы знаете, наверно, об этом, что у нас называется Ингерманландия — ингеры, и церкви Ингрии были, ингерманландские — это лютеранские церкви. Я вот примерно и здесь в лютеранскую церковь хожу, когда могу. Ну вот и... Ой. Вот надо же.

Исс.: Про язык расскажите, Вы начали про язык.

Инф.: Ну вот он... это, язык-то у нас свой там, вроде бы финский. Вот у меня два брата кончили в этом... где же была школа тогда... где-то деревня такая <...> нашей деревне, это на половине, там была школа — средняя школа, а первоклассники ходили близко — где я ходила. И вот они кончили обои, два брата кончили финский язык. Ну, финский учили.

Исс.: Финский учили.

Инф.: Это же все было по-фински. Газеты, журналы, церкви. Но пасторы большинство были из Финляндии. Тогда разрешено было все.

Исс.: Это до войны?

Инф.: Да, до войны. Все было разрешено. В Финляндии... общение было с Финляндией хорошее, что люди работали и жили даже там. И работали в церквях. Ну вот потом после войны это все и возобновили. Начали они приезжать туда опять. А нас-то домой не пустили.

Исс.: Подождите. А Вы заканчивали школу на финском?

Инф.: Да.

Исс.: Тоже на финском?

⁹ Имеется в виду концентрационный («трудовой») лагерь Клоога, организованный нацистами на территории оккупированной Эстонии, недалеко от поселка Клоога, расположенного в 38 км к западу от Таллина.

Инф.: Только знаете, как я уже начала... Это было уже перестройка тогда. Я первый класс пошла в школу пе... по-фински учили, вот эти учителя. Муж с женой, значит. Он был заведующий школой, считалось. Она — учительница. Все четыре класса они вдвоем учили.

Исс.: Это?.. Это?..

Инф.: Это в Куйдузи. Рядом школа была — Лайдужи¹⁰ деревня. Ну вот четыре класса кончила... Первый класс был по-фински, а второй класс пришла — всё. Сталин переменял всё на свете — всё по-русски, чтоб ничего не было, никаких финских языков. Уничтожили все, сократили журналы — братья-то учились семь классов. А раньше же семь классов — это же уже высшее образование. Не то, что институт... Вот как теперь одиннадцать классов. Вот. А... И журналы шли, газеты шли — всё по-фински было. А потом всё это п... прекратили, и учи... Школам всем послали русские учителя. Ну как это можно было! Сделать финских де... детей сразу русский... если мы ни бэ, ни мэ не понимаем.

Исс.: А вы ничего не говорили по-русски? Ни дома, нигде?

Инф.: Нет. Вот кто старше люди, они в Питер ездили, вот за продуктами... Вот примерно у меня отец в старое время, когда холостой был, он рассказывал, я, г<ово>рит, работал в Ленинграде извозчиком — вот, это в такое время, когда мой отец был еще холостой. Вот. Так ездили за продуктами, а в деревне... держали скотину. Вот мама, примерно, собирала молочные продукты, возила тоже в Питер. Отвезут там по домам — они уже... знали они адреса. А кто так на рынке продавал сметану, творог, молоко... но молоко... это сметану большинство, молоко — меньше, потому что это ж тяжело тащить — из деревни пешком идти, и идти туда до этого, до Сквориц. Ну там можно было уже на машине или каким образом. В колхозе давали раньше лошадь, чтобы отвезти. Ну они же работали в колхозе. Отвезут туда, вот, до станции, дадут лошади, он уезжает. А потом обратно попадай как хочешь. Кто сможет приехать забрать, там, кому дадут лошадь — вот, привезут их обратно в деревню с продуктами. А в деревне ничего не продавали. Помню, только там где школа была — какой-то лар... вроде... старый дом был, там какой-то ларек [нрзб.]. Никаких, больше ничего. Ну, может, какие крупы были — вот такой только магазинчик. А что там купишь. Все возили из Питера. <...>

Исс.: А что Вы там в Финляндии делали, когда Вас туда вывезли?

Инф.: Нет, нет, это нас везли через Эстонию везли <...> Но это я еще не рассказала, это... не в Эстонии. Мы в Эстонии не останавливались, только... <...> Мы приехали... переехали... приехали, значит, в Эстонию, и у нас там остановили поезд, и погнажи, как вот этих телят, в церковь пустой, и мы все

¹⁰ Laitisi (фин.).

там ночевали. А чего там надо было останавливать? Мы даже выходили на улицу, потом опять туда зашли — не огорожено ничего. И ночью вот на своих тряпках. Что у нас было там, какая-то одежда при себе. Вот так спали всю ночь. Там уже помирали и кричали больные. Это ж война — кто уже... и раненые там, видимо, были, и все. А потом утром опять скомандовали... всех идти в вагоны, и поехали дальше. Ну вот потом нас увезли... тот... на берег... эта... на берег. И ждали мы там... Уж тогда нам сказали, что нас повезут в Финляндию — ждите парохода. И повезли на берег. Уже там мы ждем, ждем — нету, нету парохода за нами. А говорят, что вот у нас уже... с Ингерманландии оттуда вывозили уже полные эти пароходы, народу же много в Ленинградской-то области... весь область — до самой финской границы все финны эти ингерманландцы жили. Как нас называют, но такой ведь нет... это как сказать... <...> национальности. Так что вот слово не найду! Память такая. Национальность-то нет. Ну финны были. Всю жизнь — родители и мы — финны в паспортах.

Исс.: Везде просто стояло «финн»?

Инф.: А теперь нет. Теперь нет, теперь фамилия и имя, а уже национальность не пишут нам в паспорта. Это уже давно. Когда на русский все перевели, боль сделали... Это Сталин хотел всех сделать русскими, так вот не... не получилось. <Смеется>. Ну вот. А потом в лагерь привезли. И оттуда приезжали уже эти хозяйева, с Финляндии. Там же ведь и самостоятельно, и хозяйева были. Земли у них, и леса, и все такое. Ну, приехали, и нас выбрал один хозяин. Мама, папа, брат Толя и я. А Иван был на Ленинградском фронте. Взятый был восемнадцатилетним. Последний вот перед немцами какой-то месяц остался, забрали всех молодых ребят в деревне. Никого не осталось. Только вот пожилые люди. И эти среднего возраста мужчины все были взяты в армию. Это только вот дети да старики, считай. И там потом нас вот взял хозяин. Взял к себе. Ну что. Работали там. И сено... сено сушили, и... что мы... [нрзб.] с весны началась посадка, там всяких овощей, свеклу садили эти... рассада такая. Помню, как у меня спина болела. А хозяйка пришла — она же носила нам кофе на этот... туда, чтобы не ходили домой, принесет, и с бутербродом принесет нам и говорит: «Ну как ты?» А я говорю: «Так спина болит!» — я это... я могла так вот что-то объяснять. «Так болит спина, не могу согнуться». Она говорит: «Знаешь, что, ты вот встанешь, ноги пошире так вот ставь... так... таким образом. Не будет так спина болеть» <Смеется>. Учила, теперь их уже нет. А мы с еёными родственниками до сих пор общаемся.

Исс.: Да вы что!

Инф.: Да. И брат с ихним сыном переписывался. <...>. Ну вот. Они дружили с хозяиным сыном. А брат у меня был в детстве однорукый <...>.

Исс.: А вот скажите, Вы в Финляндии работали. А потом куда поехали? Домой? После войны.

Инф.: Если бы нас пустили б домой... Люди приезжали смотреть на свои места. А им там же ж сказали, такое дали: двадцать четыре часа, чтоб вас тут не было.

Исс.: Это кому?

Инф.: Это считают уже, что мы как бы враги. Почему мы у немцев были в Финляндию отправлены. В Финляндии же с... с... с Россией сперва же были плохие отношения. А потом... они с немцами заодно были. Вы знаете ведь об этом? <...> Поэтому нас не пускали домой нико... никого. Мы жили... Я вот пятьдесят лет прожила в этом... в Сегеже поэтому, что нас ввозили... А вот надо это рассказать. Когда вот объявили Финляндии, что российский народ должны ехать обратно домой. Но я... ясное дело, Ленинград... Ленинград кто обеспечивал? Ленинградская область всё вырастила, всё туда возили. Я даже в детстве мечтала, что... вот как девчата едут, весело поют, на машине, капуста нагрузят, я вырасту и тоже буду на машине ездить с песнями в Ленинград. А вот и не так и было. Не так получилось. А вот это... А потом... да, нам объявили, что надо ехать. А нам-то страшно. Есть там дома, нет домов? Куда везут нас? А мы ж не знали, что нас домой и не везут. Нас как партизанов... не партизан, вредителей народа. Нас везли мимо Ленинграда, поезд тут ведь не остановился. И... главное... и первый этот эпизод... перво-наперво было сказано, что... по людям уже слух шел. Там же много нас было, в каждом доме ну, хозяева-то разные там, общались где-то, тоже в церковь ходили... там же в войну-то церкви работали. Ну и вот... Так говорят... По людям уже слышно, что это... Кто сейчас не едет добровольно — это надо идти в район и записаться, что ты согласен ехать добровольно, если не согласен, значит, после увезут насильно. Мы думали, что это в войну положено, можно так, можно делать: народ... как немцы забрали — хочешь ты, не хочешь — везут, куда им надо. Вот. И записались. Родители поговорили... Как же, говорит... А хозяйва так уговаривали нас! Что не ездите, там бомбили, там, знаете, у вас и дома, наверно, там нету. А хозяйка-то знала, что... мама... Они с мамой очень дружны были. Они и веровали, вот. Язык они понимали. Мама по-фински... она же старше меня — ну я же еще ребенок была — она-то всю свою жизнь прожила в этом... в Ленинградской области, среди финнов-то. Она же финский язык хорошо... училась... она и Библию читала, она же всё это... могла читать, писать и всё. Вот. Дак, она говорила, что... А они-то радио слушают, а нам-то ничего неизвестно. Мы же ничего не слышим, [на самом деле] и дом был там, где мы жили. Она говорит: «Не ездите. Там у вас бомбили, что у вас, может, дома нету. Если вам не нравится у нас работать, так вы можете другое место найти, переехать. И...» А... а... Родители-то между собой говорят, что: «Как же мы не поедем? Сын-то, сын-то там! На фронте». Мы ж не знали, он живой, мертвый? Он же... если мы там останемся, как же... А он-то чего, куда? И вот мы поехали и... поехали. Из-за Ивана. Но так там многие остались. Тыщ во-

семьсот осталось [нрзб.] там, в Финляндии. Кто уехал в Швецию, рядом там. А которые и в Финляндии, они век свой прожили там. А мы вот поехали. По-ехали. Но, видимо [нрзб.], еще что думали, а может, еще и дом живой, так и... Родной дом там, ро... ээ... выросли и родились, как же не ехать-то. Хотелось все равно домой. А там все-таки у хозяина работать надо было. <...> Отец поехал в район и записался. Что поедет домой. И всё. Так приехал вот этот вербовщик военный, значит. И опять же нас скомандовали везти, значит... Что у нас там... Хозяин что-то дал. По-моему, муки дал сколько-то. Ну везли-то нас в... прямо зимой. Зимой. Что ничего же у нас нигде ничего не выросло. А куда нас везут... а не знали, что эти, которые нас оттуда... Приехали за нами, они же знали, что нас домой не возьмут или... не везут, а куда-то. Ведь не сказал никто! Пока в Ленинграде не остановился поезд. И главное, этот... товарные вагоны остановились — ой, Ленинград, Ленинград! Видим уже Ленинград, а поезд-то чего-то не останавливается, а перешел на другие пути. Поворот какой-то сделал. А люди-то — пожилые мужчины, женщины — в Ленинграде-то уже всю жизнь ездили, знают уже, где должен остановиться поезд, чтобы это, к нам-то в Гатчину ехать. А в Красное Село он уеха... уезжали в Красном Селе, а обратно ехали... Провезли и всё. Ой, женщины все плачут, мужчины расстраиваются. Все к этому, вот, который сопровождал нас — военный провождал — к нему обратились в этом вагоне. Ну вот. А он сказал: «Да. Вас везут, — говорит, — далеко, — говорит, — где войны не было. У вас там... в общем... где и есть дома, где и нет домов. Что вас на улице что ли выселят там? Что вас везут туда, где войны не было. Там дома есть, и помогут, и скотиной...» И как наговорили, что ты! И так и нас повезли дальше. Ну что делать! Мимо родной этой станции, куда люди привыкли эти ездить все время — всю свою жизнь ездили. Хоть не так часто, но... <...> И вот такое расстройство было. И привезли нас среди зимы. В декабре месяце. А что у нас одето. У нас же всё легкое было. Что там с Финляндии заработали — у меня было такое легкое пальтишко. Ну не то, что вот... как вот... как за нами приехали на лошадях, на санях — парень молодой — они все в тулупах! Тулупы вот до сих пор. А мы глаза вытаращили. А как же мы-то такие! Легко одетые. Ну что. Увезли в деревню. Такую деревню, где одни старики живут. И молодежь тоже была в армию взята. Взяли везде, во всех районах. Ну вот. Старики живут. Потом там в доме поселили нас... Ну, дед с бабкой жили в этой половине дома, а нас — в другую половину дома поселили. И вот мы там начали жить, начали работать. <...> Это... Ой, нас увезли... в Ярославскую область. За провинную, что мы были наказаны. Мы же узники. Я узник. Тоже. Малолетний узник. Ну вот. А мы же считались... вот... <...> Ага. Ну вот и там мы стали работать в колхозе. Опять же в колхозе. А то, что там в колхозе. Они же летом работали, им осень чего-то там дали, а нам же зимой никто ничего не даст. Вот что привезли с собой, хозяин дал нам сколько-то там крупы, гороху и... и муки. И какой-то

такой мешок был. Ну небольшой мешок — ну нам не стащить его. А вот такой... таки аккуратные мешки. Или какие-то бумажные были... В общем, эту муку мы съели за зиму. Кашу горо... варили. Всё кончилось. А весной — на одну траву. Весной мы голодали. Всё продали, что у нас еще было оставши. Вот у старшего брата было еще куплено ему, еще дома на восемнадцать лет у него уже была выходная одежда: костюм был, пальто зимнее было, сапоги были куплены — как в деревне, лакированные какие-то то ли сапоги носили еще в то время. Всё это продали на рынке. Вот. А потом я научилась цветы делать вот бумажные — вот такие, которые тянутся, вот бумага креповая или как называется. Там меня научила женщина делать цветочки. Мама на рынок ходила, продавала эти цветочки. Там что-нибудь, там несет. В Финляндии же работала, заработала там я, ну, что-то там, платье — два платья там купила. Да, вот эти платья! Как мне было жалко, что у меня уже носить-то нечего! Война же, два года под немцами были — я ребенком была, а там уже — восемнадцать лет! Одеть-то нечего. Да, вот эти в Финляндии два платья... Платье-костюм синее было такое и голубое платье было. Красивые такие платья. И их пришлось продать. В общем, не оба, а голубое оставила, чтоб одно хоть оставить. Вот это синее платье-костюм мама тоже продала. Плакала. Так жалко было платья этого. Всё продали, что могли. Ну вот прожили мы. Там уже и лето, лён дергала я там, и... Ну мама-то, уже она пенсионного возраста, так она уже не... дома. Семья же — нас четверо. Брат, я, и отец, и она. Мама дома, там. Стирать надо. Машинок же не было раньше. Стирка и варено же, всё такое, уборка. Ну вот. Мама дома была. А потом... оттуда... Мы там прожили... три с половиной года — в Ярославской области. Переехали мы... Голодовали мы в этой деревне! Весной всю траву, что только нашли, то и... <...> Мама варит суп, а мы придем с работы, придем, а... Хозяйка эта — старушка — дала маме немножко льняное семя. А у них там было заведёно так: лён они в ступе толкли. И дала эту ступу, дала эту толкушку. И мама набила там себе немного масла постного. И вот этим постным маслом она заправляла суп. А что это, постное масло? Оно, эти глазинки ползают поверху — жирное-то постное масло. Сядем обедать, ни в... рот не идет. Ну нет никакой охоты есть. Надо есть. Потому что работать надо. А мама отойдет — она при нас и не ела. Она плачет. Плачет, что мы есть не хотим. А особенно так молодые. Не вкусно. Вот так прожили. А потом... <...> Весной уже, когда нам приперло так, что уже есть нечего, да... Мужчина сказал: «Переезжайте в совхоз “Сера”. Есть такой совхоз. Не так далеко». Но я вот это уже не помню, сколько километров. Нам дали быка. Сперва папа, наверно, пешком ходил. Да, пешком ходил, узнавать, что возьмут ли там хоть пастухом, или кем-нибудь работать — тока, чтоб за деньги работать, получить хоть сколько-то, и покупать продукты. Так вот мой папа сходил туда. И он обращался к директору совхоза. <...> И мы собрались через недельку или как-то там собрали шмотки, что нам... остались у нас там и поехали.

Исс.: Это тоже в Ярославской области еще?

Инф.: Да. Это километров, может быть, десять на лошад... быка дали! Не дали лошадь, быка! И надо было этим быком управлять. Ой. А потом увезли обратно этого быка туда, в совхоз отдали... в этот, в колхоз. И вот так мы остались жить в этом совхозе. А там уже было совсем по-другому. Там за месяц зарплату платили. Ну зарплата, конечно, тоже невелика — так после войны. <...> Потом с Ярославской области-то мы завербовались опять, что поехали в Ленинградскую область. Это пришло указание от Сталина. Это уже решали в Верхнем, там... решали, что народ-то... зачем... загнали туда. Все-таки кто-то справедливыми-то тоже были. Такой народ ведь работающий, все время работали в колхозах, если это возили всю продукцию туда, сдавали. Себе-то там какой-то ящикек — того-другого дадут и всё, на трудодни. А своим питались. На огороде. Еще надо было на огороде работать. Ну вот. И тогда приехали мы... потом, через половину года... Эти вербовщики приехали, и, значит, надо это... ехать. Разрешено поехать домой. Уже вышел такой указ. <...> Ну в общем работали. Там ведь... мытье всё, уборка. А потом — домой. Молодость было, дак и в клуб ходили там. Опять же вот эти... Ну там уже, правда, не Финляндия, а там — Россия. А... хе-хе... интересно... по-другому. У нас-то в деревне по-другому гуляли молодежь, а там — уже по-другому. Всё кадриль! Кадриль парни, девушки так дробят! И по шесть пар так в ряд. А нас-то тоже приглаша[ю]т, мы-то тоже красивые приехали — по восемнадцать лет. Так вот тоже приглаша[ю]т. А разговаривать-то не умеют! Ой, нет, уже я не туда полезла. Э... уже... но действительно разговаривали-то... это я уже перепутала. Действительно разговаривать-то толком по-русски не умела. Приехала с Финляндии... Не иду сперва... Девчонки зовут меня. Видят, что девчонка-то... такой возраст, так они... не... не страшная, так... красивая была молодая, как сказать, и зовут меня: «Пойдем с нами! Пойдем! Ты привыкнешь». Ну зовут, зовут — я никак не хочу идти, что я не... Я говорю: «Не. Не умею разговаривать». Ну немножко я уже там научилась, уж маленько-то. Они: «Научишься, научишься. Пойдем. Там весело. И потом посмотришь, тебе понравится». Ну первый раз пошла, мне так... Я ведь много говорю, Вам ведь надо, наверно, уже? <Смеется>

Исс.: Нет, нормально.

Инф.: Ну вот. Первый раз пошли, там уже игры такие, другие какие-то, и загадки решают так, парни с девками играют так. Потом... такая игра еще была какая-то... Прятали что-то. Если парень найдет — у кого вот это, что спрятано — булавка, там, чего такое по мелочи или заколка — значит, с этим парнем надо целоваться. Скамейка поставлена так. А я как увидела! Ну я же еще ни с кем не дружила! Такое время! Какое там... дружба или что. Я спряталась за другими, которые там были и не играли, — есть же и такие. Я туда сзади села <смеется>. Я говорю: «Не, нет!» А Аня была одна девушка, она всегда за меня. А так... у ней была старшая сестра, жила в Ленинграде, с Яро-

славской области, а Аня и Вася жили в деревне там. Видимо, они раньше когда-то переезжали с ними — тоже [за] какую-то провинку. Это ра... когда раскулачивали. У них были такие портреты! Я к ним зашла: такие портреты, такие шляпы, такие модные дамы! Думаю, откуда у них такое. Такого у нас в деревне не видела. А вот и после я скумекала, они были, видимо, богатые — там. И вот такое у них какое-то и поведение было... очень культурные были и... очень не... такие, как сказать, что... одно, что культурные... добрые! Добрые. И я к ним стала ходить. <...> Ну вот так вот привыкали, привыкали и научились по-русски разговаривать. Ну а это потом уже прожила там вот три с половиной года, и нас за... приехали за нами вербовать домой. Ну что. Домой ведь... домой ведь хочется. А брат-то ездил туда — дом стоит. Стоит. И живут с Белоруссии. Когда в Белоруссии там сгорели... деревни, деревни, с Белоруссии всех этих пострадающих перегнали в Ингерманландскую площадь — там никого не было, мы все были увезены. И вот так поселили народ туда. Другой народ. Ну, они белорусы, а мы финны считались. И вот они там жили. И потом. А он договорился там, что мы... нам разрешено уже приехать... значит... оформить свой дом, если он есть. И... нужно заплатить только налог и... можем приезжать, значит, в этот дом. Вот так, так мой брат договорился там с... кто там был как хозяин — председатель или кто там был. Ну вот. И договорился, сказал, что будем оформлять документы и переедем. Вот так и сделали. Сделали и заплатили налог и нам... У нас даже в паспортах была тридцать восьмая статья¹¹. Первый раз получила паспорт, и у всех... вот, детьми уехали из дому, везли нас по всему белому свету и... Детями уехали, приехали сюда на родину, нам статьи поставили — 38 статья. Мы уже народ-то неверный, раз статью поставили. А потом пришел, значит, уже... как же потом... А! Мы когда переехали потом, оттуда уже, из Ярославской области переехали... А там уже было сказано этим людям, что... дали другой дом, где... Не все же переехали туда. Вот. Уже в другой дом переселились. А нам освободили этот дом. А я-то уже замуж вышла.

Исс.: Там, в Ярославской?

Инф.: Да. Город Сегежа. Я уже там замуж вышла.

Исс.: Ой, подождите, как это Вы вышли замуж в Сегежу? Вы же жили в Ярославской области!

¹¹ Скорее всего, имеется в виду 58 ст. УК РСФСР 1922 г. «Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть от РСФСР какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры», вступившая в силу в 1927 г. и служившая основанием для ареста и высылки большинства финнов-ингерманландцев.

Инф.: <...> Это... С Ярославской вот мы в Сегежу и переехали.

Исс.: А почему не домой?

Инф.: <Долгая пауза>. Еще, наверно, тогда не было разрешено, что мы с па... Вот! Я в Сегеже-то получила первый паспорт! Со статьей получила. <...>. Как же мы туда переехали? Точно. Вербовщик... вербовщик приехал в Ярославскую область и спрашивал людей, кто хочет ехать на родину. Нет, не на родину. Опять же... опять же нас обманывали. Вас везут в этот... в Карелию, там дома свободные, там и скотиной вам помогут и всё. И вот таким образом опять уговорили, мы записались поехать по вербовке. И при... привезли нас, вот, в Карелию, в эту, в Сегежу. <...>

Исс.: А там, в Сегеже, карелы были?

Инф.: Да. Карелы были.

Исс.: А Вы их понимаете?

Инф.: А мы жили... со своим народом, так и... не жили. Карелы, они в другом месте жили.

Исс.: А вас там прямо много было финнов?

Инф.: Да. Нас привезли, прямо поездом привезли, разгружали. А многие люди вышли в Петрозаводске самовольно. А мы не могли. Вот моя золовка тоже, в этом же поезде ехали тоже, так... Какие смелые мужчины были в семье, вот они, люди, выгружаются, остаются в Петрозаводске. А мы... Наши вещи были в самом заду, нам не достать было! А поезд-то стоит мало! Всё. Переполох. Придется ехать дальше, куда нас везут, вот туда в леспромхоз и увезли нас. А там одни старики, а никого молодых не было. Только вот привезли с этого, с Белорус... белоруссов — парни и девушки, и вот нас, семейных, туда вселили. Вот мы все там и жили. А... <Долгая пауза>

Исс.: А с мужем как познакомились?

Инф.: А потом в Сеге... Мы там жили в леспромхозе, и оттуда мы тоже выкарабкались кое-как. Со слезами ходили в этот район, в этом как его... как же... Мышкин, Мышкин город. Да, Мышкинский район¹². Вот. Ходили туда с подругой... Жили-то мы далеко от вокзала. Это, значит, где мы жили, оттуда до Дуброво было пятнадцать километров. А с Дуброво до Надвоиц¹³, где поезда ходят, еще пятнадцать километров. Это мы пешком шли тридцать километров, чтоб туда попасть на поезд. Босиком — туфли в руке. Баретки такие были, помню, носила их там. Ну вот. И пришли мы на эту... на вокзал — билетов нету. Это такую дорогу идти, и билетов нету! И не знаем ни одного человека знакомого. Потом ходили, ходили, думали, может, билет потом как-нибудь получим. Пить хочется! А лето — жара была. И мы... пить захотелось, гово-

¹² Здесь информант снова путает воспоминания о жизни в Ярославской области и Сегеже. Г. Мышкин и Мышкинский район — это Ярославская область.

¹³ Топонимы Дуброво и Надвоицы относятся к Сегежскому району.

рим: «Пойдем спросим у кого-нибудь». Дом такой же вот как... двухэтажный, деревянный, ну люди живут и живут. Зашли... Пойдем в первую попавшую квартиру, попросим воды попить. Зашли. И мы попали... Вы знаете, как это получается... вот как это... вот создано Богом что ли. Зашли в эту квартиру, попросили воды. Значит, там жила... отца уже в живых не... Нет, отец был живой. Это потом впоследствии оказались мой свекр, моя свекровка и мой муж и моего мужа сестра. Вот эти вот потом стали моими родными. Мы туда пришли, попросили воды. <...> Мы ушли, а эта... девочка была-то у них, она была на десять лет моложе меня, ну ей было лет десять, этой... вот она теперь золовка моя. А говорит, вы как ушли, а мать, моя мама, говорит... а она узнала... как она узнала, я не знаю... Она говорит: «Вот...» А! Ей спрашивали, как нас зовут. Как нас зовут. И, наверно, это что с какого года — нет, не знали, но вот что зовут Ида и Эльза — вот мы две были. А мы как вышли, она и говорит, эта мама: «Вот вспомняете, что эта Эльза будет моя невестка». На меня. А Хильда и говорит, эта золовка, девочка: «Как это ты? Как это... первый раз видели, пришли, нечаянно. Как это она будет твоя невестка? Она же еще молодая и... Парень же тоже еще молодой, еще жениться-то рано». — «А вот помянете», — говорит. Как ему... Вот надо, так вот получилось. Потом в Сегежу мы переехали с горем-то пополам. Со слезами ходили к начальству. Что нам тяжело там, что мы хотим учиться. Мы же молодые, нам надо учиться. Что мы должны там [нрзб.] работать, ямы копать, такая тяжелая работа. И вот мы это все ему. А он все отговаривает: нам нужны рабочие, у нас рабочей силы не хватает, жилья нету. Мы давай плакать обе. Плачем. Вот, не уедем, будем у вас тут сидеть и ночевать тут, если разрешения... у нас заявление было написано. От моего брата, его друга, меня и от Иды — четыре заявления привезли мы туда. Что вот это... Моего брата друг — он в леспромхоз просит. А мой брат — он однорукий, дак, значит, куда угодно, ну... просто, чтоб его уволили оттуда. И нам, значит, чтоб вот подписал эти заявления. И надо же так получилось. Потом... Да, он потом подписал эти заявления. Мы до чего... радость... Потом радовались — от радости даже в коридоре плачем! Что наконец-то мы оттуда выберемся. Это не... Лес, ничего. <...> Да. В Сегежу, в Сегежу, да, да. В Сегежу поехали. Потом мы... В Сегеже устроились на работу.<...> Потом... как-то мы шли... Отработали неделю. Идем домой. Там уже я познакомилась с Ольгой с одной — наша ингерманландка тоже. Ну мы все первое время, дак, говорили... То уже тут привыкли по-русски, кто по-фински — кто как. <...> Однажды идем с работы домой, кончили смену. Мужчины идут это гурьбой всё там, в проходную. Все идут. А мы, девчонки, идем сзади. Идем, меня раз кто-то за глаза схватил. Я думала, девчонка какая-нибудь. Думаю, может какая девчушка там, с той с работы. Вот так вот, за глаза. Я говорю, ну ладно, ладно! Я кручусь туда. Я говорю, ну отпусти, я ж все равно не угадаю. А он как отпустил — а это Рейно, мой муж будущий! <Смеется>. Нашел меня в этом лесопильном заводе. <...>

Исс.: А он тоже финн?

Инф.: Да. Тоже такие же. Как раз они с Красного Села садились на Ленинград на электричку, а мы с Гатчины. Или... или в Красном Селе. Ну там... местные, близко всё. Язык тот же самый и всё. Мы увиделись-то первый раз — в Надвоицах воды попросили. А он... Надо же было узнать, запомнить! <...>

Исс.: А Вы с мужем по-фински говорили?

Инф.: Сперва по-фински говорили, потом дети как подрастали, пошли в школу, по-русски... перешли все на русский язык [АМАЭ. Мельникова 2013: л. 9–21].

Интервью 2

Инф.: Ну вот представьте... Я вообще чистокровная финка.

Исс.: Да?

Инф.: Да. Я до шести лет не знала русского языка.

Исс.: Как это так? Вы какого года рождения?

Инф.: Шестьдесят [первого или пятого]

Исс.: И в те годы можно было... Но Вы же в Костомукше родились?

Инф.: Нет. Я родилась в Суоярвском районе, бывшая финская территория.

Исс.: Ага.

Инф.: У меня родители... так получилось, что... <...> Так получилось, что у меня мама с семьей были сначала отправлены в концлагерь, а потом отправлены в Финляндию как дармовая рабочая сила.

Исс.: Они были...

Инф.: А потом были обменены на финских военнопленных, и в принципе... начались депрессии против... репрессии против нашего народа. Отправляли в Новгородскую область и на Север, там, в Карелию... И в конце концов Карелия уже просто нас приняла, финнов. Мы вообще из-под Питера.

Исс.: Ингерманландские?

Инф.: Ингерманландцы, да. Погоняли, конечно, наш народ хорошо. И потом Карелия все-таки за нас заступилась. И вот образовались такие поселочки. Под Петрозаводском есть такой поселок [нрзб.] — очень много было финнов, наших финнов, которые... где-то нужно было приткнуться. И вот мы приехали в Суоярвский район [название поселка нрзб.]. [Папа] занимался лесом, там была всегда работа. Очень большой леспромхоз. И в сад мы не ходили: ни я, ни брат. Мы знали хорошо финский язык. А потом пришлось идти в школу. А русский язык, он очень сложный. И чтобы мы могли, вот, адаптироваться, учить... учиться нормально, родители прекратили разговаривать на финском, пытались говорить по-русски, чтобы вот... Ну и в конце концов, осваивая русский язык, мы стали забывать свой родной.

Исс.: Вы забыли финский?

Инф.: Ну я вот как умная собака. Я понимаю все, что финны говорят, а ответить мне очень тяжело. Нету языковой практики. Мама живет... все-таки часто с ней вижуся.

Исс.: А она сейчас живет где?

Инф.: В Суоярвском. Но это очень быстро утрачивается. <...>

Исс.: А здесь же тоже есть ингерманландские финны?

Инф.: Ну, я думаю, что немного.

Исс.: Вы тут ни с кем не общаетесь? Нет какого-нибудь землячества, может быть?

Инф.: Нет, наверно. Это, понимаете, всегда должен найтись лидер, который организует и объединит это все. У нас в Костомукше было такое. У нас была такая... община, у нее... церковь лютеранская, там ездили в Финляндию, у них был свой коллектив. У меня тогда дети были маленькие, я не могла просто в этом активного участия принимать. Тем более годы такие были — мы выживали. [нрзб.] <...>

Исс.: А Вы детей своих как-то финскому учите?

Инф.: Нет. Они у меня уже полукровки... Хотя вот у меня старший сын ездит периодически в Финляндию. Он вынужден учить финский [нрзб.].

Исс.: А они себя считают финнами, дети?

Инф.: Ну... трудно сказать. Перепись населения, вот, была. Пришли без меня как раз переписывать — я в Костомукше была на семинаре. У дочери спрашиваю. Фамилия, имя, дальше «национальность» — финка...

Исс.: А он (сын. — *Е.М.*) что написал?

Инф.: Ну он... русский.

Исс.: А Вы что пишете?

Инф.: А у меня никто не спрашивает. Сейчас даже в паспорте нет [АМАЭ. Мельникова 2012: л. 23].

Источники

АМАЭ. Мельникова Е.А. Отчет о проведении экспедиции в Питкярантский, Сортавальский, Суоярвский районы Карелии. 01.07–30.07.2013 // Архив МАЭ. [обрабатывается, номер не присвоен].

АМАЭ. Мельникова Е.А. Отчет о проведении экспедиции в Северное Приладожье. 2012 г. // Архив МАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 2106.

Библиография

Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М., 2004.

Бирин В.Н. Население Карелии в XX в. (формирование этнического состава) // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление

и развитие государственности): материалы Междунар. науч.-практ. конф. (6 июня 2000 г., Петрозаводск) / Сост. В.Н. Бирин. Петрозаводск, 2000. С. 106–116.

Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой. М., 2012.

Веригин С.Г. Заселение и освоение бывших финских территорий Приладожья после окончания Зимней войны // Сортавальский исторический сборник: материалы Междунар. науч.-просвет. краевед. конф. «370 лет Сортавале». Петрозаводск, 2005. Вып. 1. С. 177–189.

Изотов А.Б. Финны в послевоенной Сортавале // Сортавальский исторический сборник: Материалы междунар. науч.-просвет. краевед. конф. «370 лет Сортавале». Петрозаводск, 2005. Вып. 1. С. 202–210.

Смирнова Е.П. Заселение и освоение новых районов Карело-Финской ССР в 1940-е годы: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2006.

Суни Л. Ингерманландские финны // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена, И. Такала. Петрозаводск, 1998. С. 66–82.